

УДК 316.4

ХИРУРГИЧЕСКАЯ МАСКА КАК СИМВОЛ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЖИЗНИ

Н.Л. Вигель

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии,
Ростовский государственный медицинский университет, 22nara@mail.ru

Г.Н. Шаповал

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,
Ростовский государственный медицинский университет, 22nara@mail.ru

Е.А. Карташова

кандидат медицинских наук, ассистент кафедры внутренних болезней № 2,
Ростовский государственный медицинский университет, 22nara@mail.ru

В статье исследуется история возникновения и применения хирургических масок. Несмотря на столь значительное разнообразие видов масок, смысл их, основная выполняемая ими функция в любом случае одна – закрыть лицо, не дать увидеть эмоции, переживания, ощущения, которые всегда отражаются на лице. Сокрытие лица от окружающих, в переводе с языка символов, означает символическую «смерть личности». Надевающий на себя маску как бы «умирает», перестает существовать в виде, привычном для остальных присутствующих, и «возрождается» в новом облике. Такое преобразование себя влияет не только на иное восприятие для других, но и осознания себя. Хирургическая маска, актуализированная в период пандемии коронавирусной инфекции, из медицинского атрибута становится частью жизни людей. Сегодня за этими масками стоит целый мир: здоровье людей, экологический кризис, кризис идентичности, символ протеста, а также хирургические маски усугубляют отчуждение и создают внешнюю стандартизацию и шаблон. Хотелось бы, чтобы на смену символического значения растерянности и страха, одиночества и изоляции, неуверенности в завтрашнем дне, они превратились в знак заботы и жест общности людей.

Ключевые слова: хирургические маски, здоровье, экологический кризис, кризис идентичности, стандартизация.

DOI 10.19163/2070-1586-2021-1(27)-36-38

SURGICAL MASK AS A SYMBOL OF LIFE TRANSFORMATION

N.L. Wiegel

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy Rostov State Medical University, 22nara@mail.ru

G.N. Shapoval

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy,
Rostov State Medical University, 22nara@mail.ru

E.A. Kartashova

Candidate of Medical Sciences, Assistant of the Department of Internal Diseases No. 2 Rostov State Medical University, 22nara@mail.ru

The article examines the history of the emergence and use of surgical masks. Despite such a significant variety of masks types, the meaning and main function of them are the same in any case: to cover the face, not to let you see emotions, experience, feelings that are always reflected on the face. Hiding the face from others, translated from the language of symbols, means the symbolic "death of the person". The person who puts on the mask "dies", ceases to exist in the familiar form for others and is "reborn" in a new form. Such self-transformation affects not only a different perception for others, but also self-awareness. The surgical mask, updated during the coronavirus pandemic, is becoming a part of people's lives instead of a medical attribute. Today there is a whole world behind these masks: human health, environmental crisis, identity crisis, protest symbol, and surgical masks exacerbate alienation and create an external standardization and template. We would like this symbolic meaning of confusion and fear, loneliness and isolation, uncertainty about the future to turn into a sign of care and a gesture of community of people.

Key words: surgical masks, health, environmental crisis, identity crisis, standardization.

Хирургическая маска для лица стала символом нашего времени.

Ванесса Фридман

Если и есть символ нынешней растерянности и страха, дезинформации и тревоги, порожденных распространением нового коронавируса, то это хирургическая маска для лица. Когда история оглянется назад на пандемию 2020 года, мы увидим эти белые или голубые прямоугольники, которые скрывают рот и нос, превращая всех в одинаковую безликую массу.

Несмотря на столь значительное разнообразие видов масок, смысл их, основная выполняемая ими функция

в любом случае одна – закрыть лицо, не дать увидеть эмоции, переживания, ощущения, которые всегда отражаются на лице. Сокрытие лица от окружающих, в переводе с языка символов, означает символическую «смерть личности». Одевающий на себя маску как бы «умирает», перестает существовать в виде, привычном для остальных присутствующих, и «возрождается» в новом облике. Такое преобразование себя влияет не только на иное восприятие для других, но и осознания себя. Внутренний мир человека,

его эмоционально-волевая сфера при этом расширяет свои личные границы, ограничиваясь от мира, который становится чуждым ему [7, 8, 10, 11, 12].

Пожалуй, нет на нашей планете ни одной культуры, в которой маски не использовались бы в том или ином качестве, виде. Они были наиболее широко распространены в доисторический период существования человечества. Об этом свидетельствуют сохранившиеся с Каменного века до настоящего времени древние наскальные рисунки, изображающие охотников в масках животных, совершающих ритуал привлечения удачи.

Маски используются и до сих пор. Например, театральные, цирковой грим тоже можно считать своего рода маской, под которой актер скрывает свое лицо, перевоплощается в человека, роль которого исполняет на сцене. Большое распространение в западных странах сегодня получили различные карнавалы, карнавальное шествия, в которых обязательно есть участники в масках [1]. Массовизация масок в современный период времени – это хирургические маски, которые, естественно, имеют и свое культурное значение.

Хирургические маски начали появляться почти сразу после того, как была выявлена инфекция, сначала в Азии, где маски уже были распространены, а затем в Европе. В наши дни они повсюду. Теперь фотографии людей в масках иллюстрируют почти каждую новостную статью о вирусе, как на первых страницах журналов, так и в социальных сетях. Ведь сама зараза неосознана: микроскопический организм, покоящийся на твердых поверхностях, передается по воздуху в каплях воды от зараженных особей. Его не видно. Даже больше, чем санитайзеры с дезинфицирующим средством для рук и дезинфицирующими салфетками, *хирургическая маска стала аватаром вируса*; она явилась спасением для нашего надвигающегося страха, желания спрятаться, неспособности защитить себя и желания сделать что-то, чтобы приблизиться к грани безопасного.

В этом случае это просто последняя итерация объекта (аксессуара?) с момента своего создания в середине 1890-х годов, хирургическая маска играет огромную роль в различных культурах и наших негласных формах общения [2, 3]. Маски для лица – закрывающие рот и нос, в отличие от закрывающих глаза или маски Майкла Майерса, которая имеет свою собственную историю и набор ассоциаций, – на протяжении длительного времени были наполнены символическим содержанием.

Вполне очевидно, что хирургические маски олицетворяли безопасность и защиту от болезней и загрязнения окружающей среды, солидарность, протест, расизм, модную тенденцию, а теперь и пандемию. По словам Кристофа Линтериса, медицинского антрополога из Университета Сент-Эндрюс в Шотландии, они были признаком «чего-то, что скрывает, но также и сообщает». Это, по его словам, интересная диалектика, и она очень зависит от контекстуального значения.

Интересно, как то, что, по сути, является марлей, удерживаемой завязками, приобрело такое большое социокультурное значение?

Краткая история хирургической маски для лица

Здоровье. Согласно мнению Джона Л. Спунера об истории хирургических масок для лица, маски для лица впервые появились в самом конце XIX века и использовались в качестве защитной меры, которую носили врачи во время операции, чтобы предотвратить попадание бактерий в открытую рану.

Затем они применялись (в 1910 году) китайскими властями для предотвращения распространения легочной чумы и, по словам г-на Линтериса, стали «символом медицинской современности. У них была двойная функция – и остановить микробов, и превратить людей в граждан с научным мышлением». Восемь лет спустя они стали глобальным явлением, когда были широко применимы в качестве защиты от испанского гриппа. Хирургическая маска из медицинского атрибута становится частью жизни людей.

Хотя использование хирургических масок стало неактуальным после Первой мировой войны, они оставались популярными в Китае, где маски символизировали заботу об обществе и гражданском сознании, даже в коммунистических кампаниях общественного здравоохранения.

Затем последовала эпидемия атипичной пневмонии, начавшаяся в 2002 году, и массовое возрождение использования хирургических масок в Китае, Гонконге и в большинстве стран Восточной и Юго-Восточной Азии, а также в общественном сознании, как признак «осознания здоровья и гражданского долга». Это чистая вежливость – носить маску, чтобы не чихнуть на соседа.

В то же время по мере того как осознание экологической проблемы окружающей среды, загрязнения и качества воздуха становилось все более распространенной темой [4, 5, 6, 9], маски стали играть иную роль: как воздушные фильтры в городских центрах и предвестники климатического кризиса – не только в таких городах, как Мумбаи, Пекин, Токио и Мехико, но и, совсем недавно, во время лесных пожаров в Австралии.

«Есть некое» бегущее по лезвию «всеохватывающее чувство нашей модной антиутопии, которое мне понравилось», – сказал один молодой австралиец в Guardian о том, почему он принял и носит маску.

Мода и политика. Неудивительно, что мода обратила на это внимание – мода всегда это делает, когда речь заходит о предметах, которые сигнализируют об идентичности, – и, почувствовав возможность, поднялась навстречу.

Коллекция спортивной одежды Qiaodan Yin Peng «вывела» маски для лица на подиум во время китайской Недели моды в 2014 году. Маша Ма, китайский дизайнер, показывающийся в Париже, показала усыпанный Сваровски образ на своем весеннем шоу 2015 года.

Маски были приняты как выражение – или вызов – творческой идентичности рэперами Айлео и Матео Боулзами (Ayo & Teo), которые начали носить их, как они сказали Billboard, потому что люди смеялись над их выражением лица; вскоре маски (они) стали их фирменным аксессуаром. Фьючер и его дочь были одеты в соответствующие сложные, усыпанные драгоценными камнями образы на премию BET awards 2017 года в качестве промоакции для его выступления в фильме «Маска прочь». Зои Дюпре, стилист Young Thug, окрестила эти стили «smog couture». За последние три года бренды, включая Off-White, Palm Angels, Bathing Ape и Fendi, предложили дизайнерские маски для лица. Gucci сделал маску в качестве оригинального стиля для Билли Айлиш, которая считает, что ее тело принадлежит только ее глазам.

Сегодня на Etsy есть страницы масок для лица. Большинство из них – это просто куски ткани с завязками, украшенные щенками, чудо-женщиной, Звездными войнами, радугами и другими рисунками, и стоят они от 6,99 до 40 долларов. Маски стали настолько распространенными, что в 2019 году NSS, итальянский цифровой zine, описал их как настоящий обязательный аксессуар XXI века, как с точки зрения полезности, так и прохлады.

Совсем недавно, во время протестов в поддержку демократии в Гонконге, маски для лица (и особенно черные маски для лица) носили как политическое заявление и как инструмент для маскировки личности от скрытых телевизионных камер. Они стали настолько популярны, что правительство попыталось запретить их, немедленно превратив в символ восстания.

Но поскольку маски настолько укоренились в азиатской культуре, они также стали сокращением расизма, особенно во время обвинений в том, как начался коронавирус, впервые выявленный в Китае («Нью-Йорк Таймс», наряду с другими новостными организациями, была обвинена в создании стереотипа, когда она использовала фотографии азиатов в масках для лица в статье о вспышке коронавирусной инфекции в Нью-Йорке).

Теперь «они (маски) чувствуют себя заглавной буквой», – писала в журнале «Рафинир» Конни Ванг, журналист модной газеты. Для американцев и европейцев маски могут быть признаком непохожести и виновности, а также скрытым обвинением.

Маски вокруг нас отчасти потому, что мы придаем так много значения человеческому лицу и его выражениям, чтобы скрыть его, скрыть то, что является наиболее обнаженной, доступной частью нас самих, может быть глубоко тревожным и отчуждающим для окружающих. Многие говорят о том, что глаза – это зеркало души, но губы – это не менее важный проводник эмоций.

«Маска создает барьер между вами и миром», – говорит Марин Серр, молодой французский дизайнер, которая часто работает с экологическими проблемами и которая начала предлагать маски для лица antipollution в 2019 году, потому что она велосипедистка. Хирургическая маска защищает, но также означает, что нельзя приблизиться к другому. Г-жа Серр производит свои маски, которые она показала во время парижской Недели моды в конце февраля в сотрудничестве со шведской компанией Airinum (в последние годы появилось несколько специализированных производителей масок для удовлетворения потребительского спроса, в том числе Vogmask в Сан-Франциско, Cambridge Mask Co. в Англии и AusAir в Австралии).

Возможно, мы достигнем той точки, когда ношение маски будет восприниматься, как это происходит в Азии, знаком заботы и жестом общности, не признаком страха и различия, а признаком общности людей. Возможно, хирургические маски так и останутся непростой темой, репрезентацией общества кратеров.

В любом случае, нет никаких сомнений в том, что такого рода маски, как и племенные, о которых писал антрополог Клод Леви-Стросс в «пути масок», будут по-прежнему накладываться на мифы, которые мы пишем, чтобы объяснить нашу собственную историю. И в любом случае, они никуда не денутся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алоян, Н.Л. Человек в современном культурном пространстве / Н.Л. Алоян, В.Е. Черникова. – Ростов-н/Д.: Изд-во «Антей», 2009. – 290 с.
2. Алоян Н.Л. Категория трагедии / Н.Л. Алоян // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 2. – С. 80–82.
3. Вигель, Н.Л. Человек в культуре постмодерна / Н.Л. Вигель // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 2. – С. 114–117.
4. Карташова, Е.А. Этика ответственности за сохранение жизни: общечеловеческий и философский аспекты биоэтики /

Е.А. Карташова, Г.Н. Шаповал // Современные исследования в сфере социальных и гуманитарных наук: сборник результатов научных исследований. – Киров, 2018. – С. 383–387.

5. Шаповал, Г.Н. Образы зла в художественной культуре: дис. ... канд. философ. наук / Шаповал Галина Николаева. – Ростов-н/Д., 2002.

6. Ageeva, N.A. Semantic algorithms of bioethics / N.A. Ageeva, N.L. Wiegel, G.N. Shapoval // Bioethics. – 2019. – No. 2 (24). – P. 6–11.

7. Gilson, L. Trust and the development of health care as a social institution / L. Gilson // Soc Sci Med. – 2020 – No. 56 (7). – P. 1453–1468. – DOI: 10.1016/S0277-9536(02)00142-9.

8. Global Times. HK's "SARS heros" share reflections a decade after deadly virus outbreak [Electronic resource]. – 2015. – URL: <http://www.globaltimes.cn/content/762844.shtml> (date of viewing February 6).

9. Kartashova, E.A. Philosophic base of bioethics / E.A. Kartashova // Сборник научных статей, посвященный 20-летию памяти В. В. Леонтьева. – Волгоград, 2019. – С. 26–29.

10. Loustaunau, M.O. The cultural context of health, illness, and medicine / M.O. Loustaunau, E.J. Sobo. – Westport: Bergin & Garvey, 2019.

11. Van der Sande, M. Professional and Home-Made Face Masks Reduce Exposure to Respiratory Infections among the General Population / M. Van der Sande, P. Teunis, R. Sabel // Plos ONE. – 2008. – No. 3 (7). – e2618. – DOI: 10.1371/journal.pone.0002618.

12. Wada, K. Wearing face masks in public during the influenza season may reflect other positive hygiene practices in Japan / K. Wada, K. Oka-Ezoe, D. R. Smith // BMC Public Health. – 2012. – No. 12 (1). – URL: <https://doi.org/10.1186/1471-2458-12-1065>.

REFERENCES

1. Aloyan N.L., Chernikova V.E. Man in the modern cultural space. Rostov-on-Don, Antey Publishing House, 2009. 290 p. (In Russ.).
2. Aloyan N.L. Tragedy category. Humanities and socio-economic sciences, 2008, no. 2, pp. 80–82. (In Russ.).
3. Vigel N.L. Man in the culture of postmodernity. Economic and humanitarian research of regions, 2015, no. 2, pp. 114–117. (In Russ.).
4. Kartashova E.A., Shapoval G.N. Ethics of responsibility for the preservation of life: universal and philosophical aspects of bioethics. Contemporary research in the social sciences and humanities: a collection of research findings. Kirov, 2018. pp. 383–387. (In Russ.).
5. Shapoval G.N. Images of evil in artistic culture. Dissertation of a candidate of philosophical sciences. Rostov-on-Don, 2002. (In Russ.).
6. Ageeva N.A., Wiegel N.L., Shapoval G.N. Semantic algorithms of bioethics. Bioethics, 2019, no. 2 (24), pp. 6–11.
7. Gilson L. Trust and the development of health care as a social institution. Soc Sci Med, 2020, no. 56 (7), pp. 1453–1468. DOI: 10.1016/S0277-9536(02)00142-9.
8. Global Times. HK's "SARS heros" share reflections a decade after deadly virus outbreak [Electronic resource]. 2015. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/762844.shtml> (date of viewing February 6).
9. Kartashova E.A. Philosophic base of bioethics. Collection of scientific articles dedicated to the 20th anniversary of the memory of V.V. Leontiev. Volgograd, 2019. Pp. 26–29.
10. Loustaunau M.O., Sobo E.J. The cultural context of health, illness, and medicine. Westport, Bergin & Garvey, 2019.
11. Van der Sande M., Teunis P., Sabel R. Professional and Home-Made Face Masks Reduce Exposure to Respiratory Infections among the General Population. Plos ONE, 2008, no. 3 (7), e2618. DOI: 10.1371/journal.pone.0002618.
12. Wada K., Oka-Ezoe K., Smith D. R. Wearing face masks in public during the influenza season may reflect other positive hygiene practices in Japan. BMC Public Health, 2012, no. 12 (1). URL: <https://doi.org/10.1186/1471-2458-12-1065>.